

В. И. Мацапура, ассист.,
Полтавский пединститут

Подражания «Евгению Онегину» на Украине (20—40-е годы XIX в.)

Подражания пушкинским произведениям — явление, получившее широкое распространение как при жизни поэта, так и после его смерти.

Характерно, что в 20—30-е годы XIX в. отношение к подражаниям не было однозначным. На страницах «Украинского журнала» не только публиковались подражательные произведения, но и отстаивалась их необходимость в период раннего ученичества. «Самое так называемое рабское подражание сначала бывает нужно, по крайней мере, для молодых, неопытных писателей. Дитя, прежде нежели станет ходить, имеет нужду в помощи других... Таков точно бывает и молодой писатель, только что начинающий учиться <...> великие мужи во всех родах наук и искусств сначала подражали одни другим», — писал автор статьи «О подражании» в 1824 г. [10, с. 281].

Известно утверждение А. С. Пушкина о том, что подражание молодого таланта «не есть постыдное похищение — признак умственной скудости, но благородная надежда на свои собственные силы, надежда открыть новые миры, стремясь по стезям гения» [14, с. 82].

Однако по мере появления на страницах журналов и альманахов все большего количества подражаний, отношение к ним становится все более отрицательным. Открытая борьба объявляется не только эпигонству, как нетворческому следованию традиционным образцам, но и подражательству. Его осуждает О. Сомов в обзорах российской словесности за 1827 и 1828 гг., отметивший, в частности, что страсть к подражанию получила в литературе постоянное направление. «Наши стихотворцы-подражатели ошпыльвали прелестные цветки Пушкина и украшали мертворожденных своих детей», — заметил критик [17, с. 7]. Для Н. Маркевича подражать — дело смешное, вечно неудачное; подражания уподобляются заплесневелым озерцам, которые, оставаясь по лугам после разлива рек, известны своими зловредными испарениями» [9, с. 3—4].

Бесперспективность подражаний была очевидной для многих, ибо магистральный путь развития литературы немислим без новаторства. Однако подражательные произведения представляют значительный литературоведческий интерес, так как являются показателем поэтического резонанса, свидетельством ученичества начинающих авторов у признанных корифеев. Изучение подражаний способствует выявлению особенностей восприятия произведений ведущих литераторов «читателями, взявшимися за перо» или «читателями-авторами» (термины А. И. Белецкого).

И. Н. Розанов, занимавшийся анализом ранних подражаний «Евгению Онегину», отметил, что в отрыве от того поэтического резонанса, который роман имел в современном ему обществе, изучать его «так же неправильно, как и рассматривать в отрыве от среды», породившей данное произведение [15, с. 213].

Подражания пушкинскому роману в стихах, появившиеся на Украине в 20—40-е годы XIX в., исследованы недостаточно. В работах ученых содержатся лишь отдельные упоминания о них. Данная статья является одной из первых попыток обобщения накопленного материала. Наше внимание будет сосредоточено на том, что заимствовали у создателя «Евгения Онегина» неизвестные сегодня массовому читателю И. Вдовиченко, Н. Колотенко, И. Бороздна, а также известные украинские писатели Л. Глибов и П. Кулиш.

Одним из наиболее ранних подражаний «Евгению Онегину» является поэма И. С. Вдовиченко «Киев», извлеченная из архивов и опубликованная спустя более ста лет после написания. Характерно, что написана она была в тот период, когда в печати появились только первые главы романа и строфы об Одессе; вошедшие позже в «Отрывки из путешествий Онегина».

Создатель поэмы, не будучи профессиональным литератором, но обладая талантом, принадлежал к категории «читателей, взявшихся за перо». Существует множество доказательств того, что именно «Евгений Онегин» послужил для него творческим импульсом к созданию собственного сочинения. Автор поэмы заимствует у Пушкина онегинскую строфу, особенности лиро-эпического повествования, отдельные сюжетные элементы (описание распорядка дня молодого человека, улицы, ресторана), периоды с иногда неожиданным окончанием, манеру оживлять повествование знакомыми подробностями из местной жизни [4, с. 114—115]. Публикатор архивного материала привел примеры текстуальных параллелей, свидетельствующих о непосредственном влиянии А. С. Пушкина на И. С. Вдовиченко. Однако вопрос этот нуждается, на наш взгляд, в уточнении. Например, нельзя ограничиться указанием на примеры параллелей между описанием одесского дня у Пушкина и киевского — у Вдовиченко, которые приводятся в работе А. Кисиль.

У Пушкина:

Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразностью живой.
Язык Италии златой
Звучит на улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли
Корсар, в отставке, Морали.

У Вдовиченко:

Тут все пешком:
и жид с товаром, —
С коробкой булок маркитант
И с аксельбантом адъютант,
И генеральски эполеты,
Надменный свитский, инженер,
Пехотный тощий офицер,
Драгун, гусаром раздьютаный,
И в старом фраке адвокат
И всех чиновники палат

[4, с. 115].

Начало второй строфы поэмы Вдовиченко, представляющие описание не дня, а утра:

В часы всеобщей суматохи,
Как настает прекрасный день,
Когда проснутся смехи, вздохи,
Постелю оставляет лень.. [4, с. 133] —

ассоциируется с пушкинским изображением пробуждающегося Петербурга и утренней Одессы [13, с. 20, 203].

Приведенные в работе А. Кисиль сопоставления отрывков из романа в стихах и поэмы «Киев» не всегда представляются убедительными, так как у И. С. Вдовиченко мы наблюдаем стремление следовать общему стилю пушкинской поэзии, а не копирование отдельных ее моментов. Это — литературное подражание, обусловленное ранним ученичеством. И. Вдовиченко сознательно ориентировался на пушкинский роман в стихах и создавал стилизацию, что сказалось не только в заимствовании онегинской строфы, элементов сюжета, общей стилевой манеры, основной темы появившихся в печати глав (пустота светской жизни), но и в формах выражения авторского сознания. Они у начинающего поэта из провинции аналогичны тем, которые наблюдаем в «Евгении Онегине»: автор — повествователь и читатель — участник описываемых событий.

Однако И. С. Вдовиченко не слепо следует творческой манере А. С. Пушкина. Сквозь строки поэмы проглядывает лицо ее создателя — молодого человека 20-х годов XIX в., хорошо знающего быт и нравы киевских жителей, ощутившего на себе влияние социальной несправедливости (об этом свидетельствуют как переписка автора, так и текст поэмы).

Изображая жизнь Киева 20-х годов XIX в., он прибегает к иронии и сатире:

Теперь привыкли все быть с тоном,
Все корчат знатных, богачей!
Вист всюду, и давно бостоном
Не в моде потчевать гостей.
Болтают по-французски дамы,
Умеют лихо жить долгами.
Затей, приличий тьма; и в дом
Не по уму, друзья! прием... [4, с. 133].

В «Евгении Онегине» тонкая пушкинская ирония, а иногда и сатира присутствуют в изображении высшего света, его привычек, системы воспитания. В рукописной поэме И. Вдови-

ченко объектом сатиры предстали нравы киевских жителей. «Святой наш Киев православный // Стал пропастью всех грешных душ», — замечает автор в одной из строф. Однако ее дальнейшее содержание заменено точками. Здесь также ска- зывается ориентация на А. С. Пушкина. Его произведения в печати часто пестрели точками, которые в одних случаях были своеобразным композиционным приемом, в других — заменой текста, изъятого по цензурным соображениям. Очевидно, опи- сать «грешные души», равно как и тех, «от коих без ума // Девиц и юных женщин тьма», И. Вдовиченко помешали опа- сения неприятностей по службе. Это предположение подтверж- дается письмом армейского подпоручика к приятелю: «...места, означенные точками, выпущены по некоторым причинам — хоть от тебя и не должны быть скрыты, но... но..., что напи- шешь пером, не вырубишь топором» [4, с. 131].

Сам автор не причисляет себя к высшей знати, которую описывает с оттенком легкой иронии: «Тузам наружное поч- тенье преакуратно отдаем // По шапкам нам они знакомы...» [4, с. 133].

Обращает на себя внимание стремление создателя руко- писной поэмы реалистически изобразить окружающую дейст- вительность. Такая установка просматривается в одном из замечаний по поводу поэмы, высказанном в письме к другу: «Вот тебе Киев — как он есть. Ты его знаешь, а потому луч- ше всех можешь судить, как верно мое описание» [4, с. 131].

Факт появления в провинции подражания «Евгению Оне- гину» — произведению незаконченному — еще одно свиде- тельство того, какое огромное воздействие оказывал роман на умы и сердца современников поэта. В поэме «Киев» нашли отражение те особенности романа А. С. Пушкина, которые поразили И. С. Вдовиченко в наибольшей степени; изящество формы, предметность описаний, ирония и сатира в изображе- нии действительности, стройность онегинской строфы и др.

Подражательная поэма И. С. Вдовиченко важна и инте- ресна еще и тем, что в пору господства романтического ми- ровоззрения в ней выразилась одна из первых попыток освое- ния пушкинского реалистического повествования.

Особенно частым объектом подражания становятся одес- ские строфы пушкинского романа, служащие своего рода эта- лоном для начинающих авторов. Их воздействие ощутимо и в поэме И. Вдовиченко «Киев», и в «Поэтических очерках Ук- раины, Одессы и Крыма» И. Бороздны (1837), и в «Графе Томском» Н. Колотенко (1840). Было справедливо отмечено, что описания Одессы, принадлежащие Н. Колотенко и И. Бо- роздне, являются прямым подражанием пушкинским [1, с. 122]. Не скрывая ориентации на пушкинский текст, эти авторы стремятся все же по-своему изобразить «южную столицу, Вла- дычицу Эвксинских вод». Так, в одном из примечаний к «По- этическим очеркам...» И. Бороздна указывает: «Вообще это место (неумышленно со стороны автора) имеет некоторое

сходство с неподражаемым, превосходнейшим описанием Пушкина. Неоспоримо, что идти с ним одною дорогою — большая дерзость; но в Одессе, как и во всяком другом месте, есть много такого, что не может уйти мимо внимания, <...> невольно ложится под перо автора, взявшего на себя труд изобразить по-своему описанное прежде кем бы то ни было» [12, с. 86].

Для «Поэтических очерков...» И. Бороздны, «Графа Томского» Н. Колотенко, как и других подражаний «Евгению Онегину», характерно обилие предметных описаний. Однако быт в них — не просто фон, на котором происходит действие. Сравнивая функцию бытовых описаний у Пушкина и его подражателей, Н. В. Смирнова обратила внимание на то, что «отражение действительности в ее бытовой конкретности было лишь одной из целей пушкинского романа. Последователи Пушкина выдвинули ее в качестве первостепенной: в большинстве произведений картины быта и нравов становятся для авторов самоцелью, приобретают самодовлеющее значение» [16, с. 111].

Описания улиц, ресторанов, магазинов, памятников, дворцов и т. д., данные в авторском восприятии, составляют содержание «Поэтических очерков...» И. Бороздны.

Массой бытовых деталей и подробностей насыщен роман в стихах Н. Колотенко «Граф Томский». В этом произведении особенно ощутима попытка овладеть формой романа в стихах. Его автор заимствует у Пушкина внешнюю форму данной романной разновидности, в частности деление на части (главы) и отдельные строфы, лиро-эпическую манеру повествования. Н. Колотенко неукоснительно соблюдает внешние признаки онегинской строфы: четырехстопный ямб, систему рифмовки, четырнадцатистрочное строение. Автор в «Графе Томском», как и в пушкинском романе, полифункционален — это автор-повествователь и автор-персонаж. Однако в сравниваемых произведениях сходна только функция этого образа. Поэтически возвышенному образу, раскрываемому Пушкиным в многочисленных авторских отступлениях — философских, этических рассуждениях, лирических раздумьях, у Н. Колотенко противостоит сниженный, карикатурный образ автора, который о себе замечает: «Оригинал я преотличный // И для картин и эпиграмм»; «(Sic) Ерго смиренный господин» и т. д. По характеру противоположен пушкинскому Онегину и главный герой романа граф Томский — «танцор, рубака и гусар». В нем нет тайны, его не заставляют страдать сложные вопросы бытия, скука для него — в прошлом:

Раздолье бадов и пиров
Мне стало тягостней оков.
Душней убийственной темницы.
Теперь не то: прошел угар
Затем, что я теперь гусар [6, с. 30].

Рисую картину бала, Н. Колотенко следует Пушкину в сатирическом изображении представителей высшей знати: «Здесь

был Эи-Эи. Он моды сколок, // Парижская картинка мод»; «Вот возле нас и Эф ученый, // На козых ножках и в очках...»; «Но вот еще вам шут нарядный // ... Карикатурный Аполлон // С пустой башкой и кошельком»; «Майор — военная букашка, // В отставке тощий патриот». Характеристики, данные провинциальным автором, ассоциируются с пушкинским изображением бала, где «был однако цвет столицы, // И знать, и моды образцы...».

В исследованиях украинских литературоведов неоднократно подчеркивалось, что ранние произведения Л. И. Глибова имеют подражательный характер [2, с. 228—229; 5, с. 20 и др.]. Отпечаток ученичества несет на себе первый его сборник «Стихотворения Леонида Глибова 1845 и 1846», созданный в период обучения в Полтавской гимназии. Читатели не могли не заметить сходства небольшой поэмы «Надя», открывающей сборник, с пушкинским романом в стихах. Как и другие подражания, она написана онегинской строфой с соответствующей системой рифмовки: «AbAbCCddEffEgg. В образе Нади «выразительно проступают черты Татьяны Лариной», — заметил П. И. Колесник [5, с. 20]. Она умела «en français болтать»; в период влюбленности ей, как и пушкинской героине, «начал нравиться лесок, // Уединенный для гулянья, // И ночью при луне мечтанья»; «Любила почитать она // Роман, чувствительный и сладкий». Однако в основе своей глибовская Надя и пушкинская Татьяна — два противоположных характера. Сентиментальная героиня поэмы Глибова, которая «Сначала плакала тайком // За милым другом, а потом // Со временем и позабыла...» имеет больше различного, чем сходного с пушкинской Татьяной — «милым идеалом», отличающимся целостностью характера, глубиной и чистотой чувств, высоким душевным благородством.

Характер героя — бедного учителя — раскрывается в его письме к Наде, также свидетельствующем об ориентированности автора на пушкинский роман. Л. И. Глибов использует традиционный мотив разочарованности, ставший в те годы своеобразным литературным штампом, но разочарованность его сентиментального героя не объясняется причинами социального характера: «Забытый счастьем и друзьями, // Покинул я холодный свет. // Я думал с горькими слезами, // Что для меня уж счастья нет» [3, с. 356].

Из поэтики романа заимствуется также лироэпическая манера повествования. В целом же, в поэме «Надя» отразилось восприятие Л. Глибовым формальных компонентов пушкинского романа в стихах.

Ярким примером подражания «Евгению Онегину» А. С. Пушкина является «Евгений Онегин» нашего времени» П. А. Кулиша. Созданный в конце 40-х годов XIX в., роман не оставил заметного следа в истории литературы — и не только потому, что был опубликован в 1927 г., спустя многие годы после написания. Это в немалой степени обусловил его

подражательный характер, который автор не пытался скрыть, а в некоторых случаях и подчеркивал: «Простите краденый мне стих: Равно у нас довольно их...» [7, с. 186]. Название романа, эпиграфы, встречающиеся в нем, строфическое строение, ямбический размер, авторские отступления от текста, примечания, отдельные реминисценции, сюжетные мотивы тесно связаны с «Евгением Онегиным» А. С. Пушкина. Тем не менее, роман П. А. Кулиша — важный документ, в котором запечатлены приметы пушкинского влияния. Ориентируясь на роман в стихах А. С. Пушкина, П. А. Кулиш пытается разгадать тайну героя нового времени — 40-х годов XIX в. Его роман близок к пушкинскому не только формальными элементами. Подобно «Евгению Онегину», он не лишен обличительного пафоса. Главный герой дает сатирическую оценку жизни украинских панков, таких как «Товкач, Батог и Гречкосей...». Онегин П. Кулиша не приемлет образа жизни, который они ведут, и потому, что не разделяет их отношения к трудовому народу:

Блаженствуя, как древни боги,
Людьми зовут они крестьян;
Но я козак, певец убогий,
В самих их вижу обезьян [7, с. 182].

В «Евгении Онегине» нашего времени» П. А. Кулиша, как и в пушкинском романе, резко подчеркнут конфликт героя с окружающей его социальной средой;

Им танцы — мне народ печальный,
Им музыка — мне горький плач,
Им кавалер, а мне палач... [7, с. 182].

Здесь намечается тенденция дальнейшего развития пушкинских образов в соответствии с духом времени и особенностями мировоззрения П. А. Кулиша конца 40-х годов XIX в. Как и Онегин Пушкина, герой романа Кулиша скучает в кругу соседей, не разделяя их мелких интересов, однако лишен глубины и трагичности онегинского типа. Его образ чаще ассоциируется с Ленским, чем с Онегиным; он чувствителен и сентиментален, увлекается поэзией. Замечание И. Н. Розанова о том, что авторам поэм в духе «Онегина» ближе оказался образ Ленского, нежели Онегина [15, с. 239], распространяется и на подражание П. А. Кулиша. В нем не трансформировались глубина и сложность характера заглавного героя А. С. Пушкина, хотя Кулиш и декларирует «образ мыслей вольных» своего Онегина [7, с. 182, 184].

Важное место в рассматриваемом произведении занимает образ А. С. Пушкина. В авторских отступлениях от текста, имеющих характер лирических раздумий, нашли отражение противоречия, характерные для восприятия известным в то время представителем украинской интеллигенции личности русского поэта. С одной стороны, П. А. Кулиш периода 40-х годов — страстный поклонник Пушкина. Он для него «великий», «гений прозорливый», «душа вовек живая» [7, с. 184, 185]. Даже Петербург ассоциируется у П. А. Кулиша с име-

нем создателя «Медного всадника»: это место, «Где муз возвышенный слуга // Как яркий метеор струился...». Пушкин и Мицкевич в его восприятии — поэты-братья:

Один — мечтательный, высокий,
Другой — и нежный, и глубокий;
Один — на Западе чужом,
Другой — на Севере глухом [7, с. 186].

Вместе с тем «суждения о Пушкине в романе «Евгений Онегин» нашего времени» не выходят за пределы взглядов П. Плетнева и других поклонников великого поэта из лагеря либеральных литераторов» [11, с. 8]. Не случайно в перечне заслуг поэта, которые перечислил П. Кулиш, на первом месте стоит формула: «И был державным ты любезен...».

Пушкин — певец свободы не нашел отражения в восприятии украинского писателя. Следуя распространенному в то время мнению, в идиллическом плане трактует он отношение поэта к властям:

О Пушкин, светлый русский гений!
Царя ты понял своего:
Ты на одре своих мучений
Сказал: «Я был бы весь Его» [7, с. 195].

Все рассмотренные подражания «Евгению Онегину» относятся к разряду подражаний-усвоений, созданных почитателями таланта поэта. Они в значительной степени отличаются друг от друга, хотя и восходят к одному и тому же источнику. Это объясняется тем, что «...подражатели осваивают свой образец в той форме, которая доступна им, соответствует мере их понимания образца и степени талантливости...» [16, с. 116].

Несмотря на явные отличия в подражаниях, можно определить те основные стороны, тенденции, особенности пушкинского романа, к которым начинающие писатели, «читатели-авторы» проявили наибольший интерес и которые в большей или меньшей мере отразились в их творческой практике: реалистичность и предметность описаний, изображение быта, внешние структурные особенности онегинской строфы, лиро-эпическая манера повествования, полуфункциональность образа Автора, сатирическая направленность романа.

Особое значение для развития литературного процесса на Украине имело освоение достижений поэта в области стиха. Овладение четырнадцатисложной строфой со строгой системой рифмовки было сопряжено с большими трудностями. То, что Л. И. Глибов и П. А. Кулиш освоили в конце 40-х годов XIX в. это оригинальное достижение пушкинской строфики, не могло не сказаться положительно на дальнейшем их творчестве. Онегинскими строфами написана, например, поэма П. А. Кулиша «Грицько Сковорода».

1. Алексеев-Попов В. Пушкин и литературная жизнь Одессы // О. С. Пушкін в Одесі. Одеса, 1949. 2. Білецький О. І. Пушкін і Україна: Збір. праць: В 5 т. К., 1966. Т. 4. 3. Глибов Л. Надя // Твори: В 2 т. К., 1974. Т. 1. 4. Кисіль О. Листи і вірші підпоручика Вдовиченка // Де-

кабристи на Україні. Зб. праць... К., 1930. 5. *Колесник П. І.* Творчість Леоніда Глібова // Глібов Леонід. Твори: В 2 т. К., 1974. Т. 1. 6. *Колотенко Н.* Граф Томський. Роман в стихах. Одеса, 1840. 7. *Куліш П. А.* «Евгеній Слегин» нашого времени. Роман в стихах. Ч. 1. (Публ. Д. Дорошкевича) // Збірник праць комісії для видання пам'яток новітнього письменства. К., 1927. 8. Литературный энциклопедический словарь. М., 1987. 9. *Маркевич Н.* Украинские мелодии. М., 1831. 10. О подражании // Укр. журн. 1824. Ч. 1. № 6. 11. *Пільгук Г.* Пантелеймон Куліш // Куліш Пантелеймон. Вибрані твори. К., 1969. 12. Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма, письма в стихах И. Бороздны. М., 1837. 13. *Пушкин А. С.* Евгений Онегин // Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1937. Т. 6. 14. *Пушкин А. С.* Фракийские элегии. Стихотворения Виктора Теплякова // Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. 15. *Розанов И. Н.* Ранние подражания «Евгению Онегину» // Пушкин. Временник пушкинской комиссии 2. М.; Л., 1936. 16. *Смирнова Н. В.* К вопросу о жанровой природе подражаний «Евгению Онегину» // А. С. Пушкин. Проблемы творчества. Межвуз. темат. сб. науч. тр. Калинин, 1987. 17. *Сомов О.* Обзор российской словесности за 1828 г. // Северные цветы на 1829 г. 1828.

Статья поступила в редколлегию 24.10.88

М. М. Полуднева, преп.,
Каме́нец-Подольский пединститут

Из истории переводов Пушкинского наследия на Украине

Судьба творческого наследия Пушкина и история восприятия художественного мира поэта на Украине — тема большая и важная. Немало интересных работ советских исследователей посвящено изучению украинских переводов Пушкина и их влиянию на украинскую культуру. Благодаря трудам А. И. Белецкого, Е. П. Кирилюка, Н. Е. Крутиковой, Ф. Я. Приймы и других ученых, в современном советском литературоведении получили обоснование подлинно научные принципы изучения творческих связей украинских писателей с предшествующей и современной им русской литературой, в частности с Пушкиным. Исследования этих ученых показали, что опыт Пушкина активно способствовал становлению и углублению реализма в украинской литературе, формированию важнейших поэтических жанров.

В работах А. Л. Жовтиса, Г. К. Сидоренко, Е. П. Кирилюка и других ученых высказан ряд интересных соображений об освоении украинскими литераторами пушкинского опыта в области ритмической организации стиховой речи.

Принципы художественного перевода пушкинской поэзии такими художниками слова, как Шевченко, Старицкий, Франко, Грабовский, освещены в трудах А. И. Белецкого, М. К. Зерова.

Общественное мнение привлекли в свое время выступления М. Рьльского о Пушкине. Его статья «Пушкин на украинском языке» содержит важнейшие сведения из истории переводческих интерпретаций пушкинской поэзии на Украине. Переводы Боровиковского, Руданского, Гребенки и Старицкого Рьльский